

Дальний поиск

Геннадий Фиш

*(Избранные произведения в двух томах, том 2, Москва 1976,
стр. 289–323. Копия 2 октября 2005 г. — не проверена.)*

1

стр. 291

Гвардии полковник Строев усадил гвардии старшего сержанта Столетова рядом с собой и, будто ничего срочного не было, стал рассказывать ему, командиру отделения разведчиков, какую-то историю. Столетов сначала не мог понять, к чему клонит командир дивизии.

Иду я как-то здесь, — говорил полковник, — и слышу такой разговор разведчиков. Трое их было. Вернулись они из разведки и в точности рассмотрели вражеские позиции. И проволоку в семь рядов увидели. И надолбы. И минные поля. И блиндажи. И доты. И дзоты. И вот такой ведут между собой разговор. Первый разведчик говорит: «Такие укрепления нипочем не взять!» — «Конечно, не взять! — соглашается второй. — Ну, как их возьмешь?» — «А если приказано будет взять, тогда что?» — спрашивает третий. — Да, тогда что?» И все они трое задумались. «Ну, если приказано, тогда надо будет взять!» — опять говорит первый. «Тогда обязательно возьмем!» отзывается второй. «Конечно, возьмем!» — подтверждает третий... — Полковник улыбнулся и спросил: — Не твои ли это люди были, товарищ Столетов?

— Судя по ответу, мои, товарищ гвардии полковник! — не сморгнув, ответил Столетов. — Только я сам что-то такого случая не припомню.

— Ну, это только присказка, — уже без всякой шутливости сказал полковник, — а приказ-то впереди будет. Я на тебя полагаюсь, Столетов. Верю. Дело важное и серьезное. Ты на своих людей положиться можешь? Дело смертельной важности! Понятно?

— Понятно! — отвечал Столетов. — Я на своих людей положиться могу. Пьяных Матвей — во-первых, Гулеватый Трофим — во-вторых, Ибрагим — в-третьих, Иван Пчелиев — в-четвертых, Семин — пятый, шестой — Свеча...

— Постой, постой, какая такая Свеча у тебя? — удивился командир.
— Виноват, это мой заместитель, настоящая фамилия Дробитько, а только мы после одного случая между собой прозываем его «Свечой».

— После какого такого случая?

И Столетов рассказал полковнику то, о чем все во взводе разведчиков давно уже знали.

Зимой, во время одного из поисков, разведчики ворвались во вражеские траншеи. Противотанковыми гранатами подорвали два блиндажа. Бревна далеко за бруствер поразметало. В первом блиндаже разведчики захватили в плен немца. Дробитько метнул гранату во второй блиндаж и после взрыва сразу же вскочил туда. Все в блиндаже было перековеркано. Бревенчатые углы разошлись, и холодный воздух вместе со снегом врывался в блиндаж. Немцы, находившиеся внутри, были убиты наповал и валялись на земляном полу. И только на небольшом дощатом столе — словно ничего не произошло и не было взрыва — по-прежнему горела свеча, и язычок ее пламени стремился ввысь, даже не колыхаясь. В первую секунду этот теплящийся огонек среди всеобщего разрушения поразил Дробитько своей безмятежностью, но в следующее же мгновение он подумал о том, что неплохо было бы принести товарищам в землянку эту свечу. Пусть нам посветит! Он притушил огонек и опустил свечку в карман полушубка.

Так были доставлены: в землянку к командиру «язык», а в землянку разведчиков — свеча. И с тех пор Тарас Дробитько, этот неуклюжий и высокий силач, получил во взводе прозвище Свеча.

Пока Столетов рассказывал обо всем этом полковнику, тот, казалось, не слушал, а думал о чем-то своем.

— Надо будет отправиться вам в дальний поиск, — вдруг сказал комдив, перебивая Столетова. — ты знаешь эту канатную подвесную дорогу у немцев?

Столетов припомнил высокие столбы и протянувшиеся между ними стальные канаты, которые он видел во время прошлой разведки. Сначала он принял их за высоковольтную передачу. Но затем пригляделся попристальней и увидел, что какие-то черные букашки ползут по канату над ущельями, обрывами, ложбинами, мимо побуревших склонов, над зелеными вершинами сосен. «Это двигаются грузовые площадки», — подумал Столетов.

— Так вот, — продолжал полковник, — по этой канатной подвесной дороге немцы доставляют к переднему краю своей обороны боеприпасы, снаряды, взрывчатку, пищу — шутка ли сказать! — за сорок километра, прямо от железной дороги до переднего края. Дешево и безопасно! Если повалить столб, другой, — мы пробовали это делать, — то их ско-

ро восстанавливают. Надо взорвать электростанцию, питающую дорогу. Понятно. И надо сделать это в ближайшие два–три дня. Не раньше и не позже. Сегодня двадцатое. Двадцать третьего на рассвете станция у озера должна быть выведена из строя. От этого будет зависеть очень многое. Ваш успех будет равен вводу в действие целого арtpолка. Так вот... — И полковник Строев развернул перед Столетовым карту.

...Выход был назначен сразу же после полуночи.

2

К своей землянке Сергей Столетов подошел как раз в ту минуту, когда туда подоспел письмоносец. И, как всегда, когда приходило письмо из Сибири, письмоносец, войдя в полутемную землянку, громко спросил:

— Трезвых у вас нет? Вот письмо для Пьяных!

Матвей Пьяных так привык, что над его фамилией подтрунивают, что не обиделся, и только жадно схватил треугольничек письма.

Видимо, в письме были хорошие вести, потому что, по мере того как Пьяных читал косые строки, написанные чернильным карандашом, лицо его все светлело и светлело.

В письме находилась бумажка, в которую было что-то завернуто. Осторожно раскрыв ее своими заскорузлыми пальцами, Матвей Пьяных извлек оттуда добротную, домашней выделки, суровую нитку.

Он тотчас же открыл клапан гимнастерки, бережно вытащил оттуда одну за другой две другие такие же нитки и положил их перед собой, на дно опрокинутого фанерного ящика, служившего здесь, в землянке, столом.

— Да-а, Свеча, ласково сказал он Дробитько, растет, шельмец, растет!

Все три ниточки были разной длины.

Дома, в сибирской деревне, остался у Матвея Пьяных первенец. И каждый год в день его рождения мать измерила рост сынишки и отсылала мерку отцу.

И Матвей берег эти нитки: так крепко они связывали его с родным домом, с далекой Сибирью.

Не один раз бойцы видели, как в свободное время Пьяных вытаскивал из кармана ниточки и с любовью смотрел на них. И по правде сказать, они уважали Матвея за это, хотя нередко кто-нибудь из них в шутку или предлагал ему продать ниточки по сходной цене, или одолжить, чтобы пришить оторвавшуюся пуговицу.

стр. 294

— Три ниточки, — сказал, задумавшись, Столетов, — три ниточки, — повторил он, — значит, три года. Но ты не унывай, дружище, — обратился он к Пьяных. — Мы уж постараемся сделать, чтобы четвертой ниточки тебе не пришлось получать: к следующему дню рождения сынишки будешь самолично с полной победой дома.

— Ну, до свидания! — попрощался письмоносец.

Когда он вышел из землянки, Столетов поднял бойцов: — Готовься! Через три часа в поход!

3

Когда над вершинами окрестных гор взошло солнце, отделение Столетова было уже далеко во вражеском тылу.

Но теперь бойцов было не семеро, а шестеро, потому что ночью, еще при переходе через линию фронта, случилась беда с Григорием Семиным.

Саперы расчищали для разведчиков проход через болотистое минное поле. Но в ночной темноте даже самый лучший сапер может пропустить и не заметить мину. А тут еще попала мина «с сюрпризом». Казалось, лежит среди кочек болота простая ручная граната. Семин поднял ее, и она взорвалась у него в руках.

Саперы взялись доставить раненого разведчика обратно, а отделение Столетова продолжало свой путь.

Проволочные заграждения разведчики разрезать не стали, чтобы не оставить следа. Припасенной для такого случая осиновой рогаткой Пьяных приподнял нижний ряд проволоки, и товарищи один за другим пролезли под ней и продолжали ползти еще с километр, пока не оставили позади себя траншеи боевого охранения противника. Потом они поднялись и пошли по каменистому склону, поросшему редким высоким ельником, и, только перевалив через высокую гряду, остановились перевести дух.

Уже встало холодное солнце, и горы, и раскидистые вершины деревьев, и зеркально-ясные горные озера, и скалистые обрывы — все было залито удивительно ровным и прозрачным розовым светом. стр. 295

Глядя на расстилавшиеся перед ним горы, с наслаждением вдыхая тот удивительно свежий, бодрящий воздух, какой бывает только ранним утром, Сергей подумал о том, что раньше в городе в это время он еще спал. И сейчас в родном городе на Волге еще спят его родные и друзья, и никто из них даже не представляет себе, как красив восход солнца в этих далеких диких горах.

— Я раньше думал, что так только на картинах бывает, — сказал Пчелиев, глядя на пылающий край неба.

Пчелиеву было только девятнадцать лет, и первой его профессией в жизни стала профессия пехотинца-разведчика, потому что в армию попал он прямо со школьной скамьи. Он был исполнительным бойцом, этот высокий, длиннорукий и еще по-мальчишеский худощавый карел. Он делал то, что было ему положено, и был храбр, даже не подозревая о своей храбрости. И лишь потом, читая в армейской газете описание схваток и разведок, в которых он принимал участие, он начинал понимать отчаянную дерзость того дела, в котором участвовали его товарищи и сам он.

— Теперь к моему счету прибавляется еще один, — заметил н ходу Гулеватый, и все поняли, о чем он говорит.

Трофим Гулеватый недавно вернулся в часть после ранения, побывав в отпуске в родных местах, в белорусской деревне, только что освобожденной от немцев. До этой поры во взводе бойцы знали Трофима как веселого, компанейского человека. Вернулся же он совсем другим, молчаливым и сумрачным.

Первое время он ничего не рассказывал о поездке на родину, а только еще более ревностно стал относиться к своим обязанностям и всегда просился в самое опасное дело, такое, где можно побольше уничтожить фрицев.

И только постепенно узнали товарищи, что не нашел Трофим у себя на родине ни родни, ни той яблони, которую еще в детстве посадил перед хатой, ни самой хаты, и от всей деревни остались одни только закопченные дымоходы. Все спалили немцы, а односельчан поголовно расстреляли за помощь партизанам.

Вернулся обратно в часть Трофим с одной только мыслью, с одной страстью — отомстить сполна за родную Любинку.

Он по памяти восстановил имена всех жителей деревни, — а память у него была точная и придирчивая, — и записал их в тетрадку.

И когда ему доводилось уничтожить немецкого солдата, против какой-нибудь фамилии в списке односельчан он ставил птичку — отомщен! стр. 296

Много таких пометок поставил Трофим.

Теперь в его тетради оставалось еще одиннадцать фамилий, не отмеченных птичкой.

Словно отвечая на мысли товарища, Столетов сказал:

— Ни одного выстрела! Чем бесшумнее мы будем идти, тем вернее. Нельзя из-за одного или двух лишних убитых фрицев рисковать успехом всего дела. Имей это в виду, Трофим!

Отделение спускалось по каменистому склону. Шли гуськом один за другим. У каждого в вещевом мешке за спиной, кроме сухого пайка на

неделю, лежало по триста патронов для автомата и по два килограмма тола — груз немалый.

Тяжелые мешки за спиной подгоняли, заставляли убыстрять шаг. При этом гранаты у пояса покачивались в такт шагу и ударяли по бедрам.

Когда же, спустившись с горы, друзья вступили на болото, эти заплечные мешки пригибали книзу, отяжеляли шаг. Нога погружалась в мягкий мох, и ржавая вода, чавкая под подошвой, быстро заполняла след.

— Я кочколаз — у нас в Карелии много болот, — сказал Иван Пчелиев.

И Столетов определил его идти первым, прокладывая след.

Сам он шел посредине.

Было так вязко, что Ибрагимом, шедший за Пчелиевым, вдруг обнаружил, что он остался без сапога. Сапог вместе с портянкой застрял в трясине.

Столетов, шедший позади Ибрагимова, с трудом высвободил сапог из вязкой трясины и вручил его хозяину.

— Впредь остерегайся, не выскакивай из сапог, — наставительно сказал он смутившемуся бойцу.

Около трех километров шли они болотом по колено в жидком, холодном месиве, согнувшись под тяжестью мешков.

Солнце уже стояло высоко, когда, пройдя болото, они снова начали подниматься на каменистую гору.

Теперь Столетов назначил Ибрагимова идти первым.

— У нас в Дагестане, — говорил Ибрагимов, — горы выше, чем здесь, но они приятнее для глаза и для ноги. А тут как будто и похоже, а на самом деле не приведи бог... У нас на Кавказе болот нет!...

— А мы по географии учили, что есть! — сказал Пчелиев. — Около Поти и Батуми...

— А я тебе про Дагестан говорю! А ты мне о Поти и Батуми! Ты бы лучше... стр. 297

— Тише, товарищи! — остановил их Столетов.

Разведчики одолевали кручу. Заплечные мешки тянули теперь назад, и приходилось сгибаться всем туловищем, чтобы одолевать эту тяжесть.

— Мокрыми подошвами да по острым кремешкам — тут сапог не напасешься, — с трудом переводя дыхание, заметил Матвей Пьяных.

Так они поднимались от валуна к валуну, от сосны к сосне, пока не достигли перевала.

— Смотрите! — сказал Сергей Столетов, указывая рукой вдаль.

И тут они увидели протянутые между устоями, водруженными на склонах, канаты подвесной дороги. Над очертаниями круглых, отполи-

рованных временем валунов и над острыми изломами гор бросались в глаза прямые линии натянутых тросов, терявшихся за невысокими холмами и пригорками у горизонта.

— Отсюда по прямой до этой канатной дороги будет не больше трех километров, а ежели идти по таким горам, то разве только что к утру придешь, — сказал Пчелиев.

— А нам и не надо идти по ним, мы должны взять левее, к электростанции, — отозвался Столетов.

Приглядевшись, он заметил, что по канату подвесной дороги в эту минуту скользила площадка с грузом. Она быстро шла в сторону фронта.

— В таких тюках посылают они снаряды, — сказал Столетов, обращаясь к товарищам. — А мы пресечем это!

— Понятно, товарищ старший сержант. А то я думал, что муха ползет по канату, — усмехнулся Пчелиев.

— У нас на Кавказе тоже такие дороги есть, — сказал Ибрагимов. — Вроде нашего фуникулера. Понимаешь? — обратился он к Пчелиеву. — Какая же это муха? Это тоже тебя так учили?

Теперь надо было сойти вниз и снова болотом пробираться до следующей каменистой гряды. У подножья ее виднелись пестрые крыши поселка.

Поселок был пуст — немцы угнали все население. Столетов знал об этом от других разведчиков. И еще вот что было ему известно: на вершине горы, у подошвы которой адели крыши деревни, расположено несколько немецких зенитных батарей.

Не успели еще разведчики спуститься со склона, как вдали послышался залиvistый, захлебывающийся лай, каким охотничьи собаки да-
ют знать хозяевам о том, что они напали на след и идут по нему. Разведчики услышали этот лай, и сразу всем стало как-то не по себе. Они переглянулись и продолжали идти вперед молча, немного ускорив шаг.

стр. 298

— Товарищи, немецкие ищейки, кажется, напали на наш след, — очень тихо сказал Столетов, но эти слова услышали все.

Разведчики продолжали идти молча. Что можно было ответить на такие слова? И, наконец, Ибрагимов, еще раз прислушавшись к залиvistому лаю, мрачно сказал:

— Как бы там ни было, а я даром не дамся. Я на себя не меньше троих беру!

— Вот чудак! — досадливо сказал Столетов. — Разве дело в этом? Это всякий сделать может. Нам приказано взорвать станцию. А ты только о стрельбе думаешь! Пусть ни одного выстрела, пусть все погибнем, а станцию остановим — наш верх! Но если даже сотню немцев пере-

бьем, а станция по-прежнему будет работать, тогда грош нам цена — не оправдали доверия! Вот в чем дело.

Разведчики продолжали спускаться вниз.

Мысли о том, что же сейчас следует предпринять, одна за другой проносились в голове Столетова, но ни на одной он не мог остановиться. От этого проклятого лая, ему казалось, что у него прерывается дыхание. И он, замыкая отделение, шагнул, не зная еще, что предпринять, когда с горы словно скатилась собака. Не прекращая лаять, она остановилась в нескольких шагах от него.

Ибрагимов снял с плеча свой автомат.

Столетов резко махнул ему рукой — не стреляй. И Ибрагимов неохотно опустил автомат.

Было совершенно ясно, что вслед за собакой, спущенной со своры, идут люди. Только она намного обогнала их.

Теперь во что бы то ни стало надо было уничтожить эту немецкую овчарку, пока не подспеют ее хозяева.

Пчелиев сделал несколько шагов к собаке, чтобы схватить и задушить ее. Но, увидев, что к ней идет человек, собака отбежала немного, снова остановилась и опять громко-громко, но уже не залиристо залаяла.

— Нет, так, голыми руками, ее не возьмешь! А ну, вперед! — скомандовал Столетов.

И бойцы быстро пошли вперед. Позади всех шел Сергей Столетов.

Собака не отстала. Она бежала теперь так близко за Сергеем, что казалось, вот-вот вцепится в него сзади. стр. 299

Он рассчитывал на это и готовился схватиться с нею.

Но натренированная собака не кусала человека. Только раз она осторожно схватила зубами край ватника и сразу же, не успев Сергей обернуться, отскочила в сторону и остановилась, не спуская с него глаз.

Так повторилось несколько раз.

Надо было отделаться возможно скорее от этого преследования.

— Вот собака! Настоящая собака! — злясь, пробормотал Дробитько и навел на бешено лающий комок меха автомат; но, как только он это сделал, собака начала быстро бегать между деревьями и кочками, делая зигзаги и оставаясь почти все время на одном и том же расстоянии от людей.

— Вишь ты, как вышколили! — проворчал Пчелиев.

— Только один патрон: наверняка! — приказал Столетов.

Но разве можно было ручаться, что пуля не пойдет «за молоком». И Дробитько в досаде опустил автомат.

— Ах, ты так? — глядя на собаку, проворчал сквозь зубы Ибрагимов. Подняв с земли камень, он размахнулся и бросил его в овчарку.

Она увильнула от камня. И, отбежав немного, снова остановилась и залаяла.

— Да это сам сатана, а не собака! — обозлился Гулеватый.

Пролаяв с полминуты, собака осторожно подошла к упавшему в мягкий мох камню и, не отрывая глаз от людей, стала его обнюхивать.

— Ах вот ты какая! — Столетов быстро нагнулся, тоже поднял камень и бросил его в сторону от собаки.

Та отскочила от камня, который только что обнюхивала, и поглядела, куда упал камень, брошенный Столетовым; затем перебежала к нему и стала обнюхивать его...

— Так!

Все было решено: Столетов снял с пояса ручную гранату, встряхнул ее, как полагается, и швырнул в сторону.

Собака снова оставила камень и побежала к гранате. Только она, принюхиваясь, остановилась, как раздался взрыв. Овчарку метнуло в воздух и разнесло в клочья.

— Теперь я знаю, как с такими зверюгами разделяваться, — деловито сказал Пьяных.

С собакой было покончено, но вслед за ней вскоре должны были появиться каратели. Поэтому разведчики немало удивились, когда их командир вдруг приказал остановиться, раскрыть мешки и вытащить из них банки с консервами.

Все с недоумением поглядели друг на друга.

Один только Дробитько был спокоен. Он во всем полагался на своего командира. И то, как Столетов сейчас справился с ищейкой, могло только еще больше утвердить его в этой вере.

— Да чего вы стоите?! Живее, живее! — покрикивал Столетов на товарищей, не так уж охотно принявших за свои рюкзаки.

Каждому было выдано в дорогу по шесть банок консервов. По одной было уже съедено. Оставалось по пять на человека. Значит, всего тридцать штук.

— А ну, откупоривайте все банки! — приказал Столетов. — А вы, Пчелиев, Пьяных и Гулеватый, тем временем раскладывайте костры. Неподалеку один от другого. Шесть костров. Да побыстрее!

И пока Столетов, Ибрагимов и Дробитько вскрывали банки, Гулеватый, Пьяных и Пчелиев принялись таскать валежник, ломать ветки сосен, елок, можжевельника. Как ни непонятен был сейчас для них приказ командира, они должны были его выполнить, тем более что по тону, каким были отданы эти распоряжения, они поняли, что Столетов принял какое-то определенное решение.

Затем Столетов распорядился банки опростать, а их содержимое положить обратно в мешки.

— Погода прохладная, за день-другой мясо не испортится, а жестянки эти мы употребим по назначению. Вот увидишь, Свеча, все будет в порядке! — говорил он, ни на секунду не переставая работать. — Готовы ли костры?

— Готовы, — ответил за товарища Матвей Пьяных, — готовы! Все шесть, как приказали!

Работа теперь пошла удивительно быстро.

— Разжигай! — скомандовал Столетов. И в ту минуту, когда по сухим сучьям побежали быстрые голубенькие огоньки и сухая хвоя вспыхнула так, словно в костер были положены палочки пороха, товарищи снова услышали отдаленный залихватый лай.

Прислушавшись, можно было понять, что на этот раз лают несколько собак.

Около каждого костра Столетов небрежно бросил по пять пустых консервных банок и подзвал товарищей к себе поближе.

— Мы сейчас идем дальше, — сказал он. — Эсэсовцы дойдут до этих костров и непременно останутся. Они подсчитают, что нас здесь было не меньше, чем шестьдесят человек. По полбанке на брата на завтрак. Ну, а их, наверное, не больше. Они вызовут подкрепление, подождут его. Значит, у нас будет выигрыш во времени. Но ненадолго. И вот товарищ ефрейтор, — обратился он по-уставному и Дробитько, — я вам приказываю вместе с Пчелиевым и Гулеватым принять на себя все вражеское преследование. Задержать немцев, насколько это возможно. Вы идите через болото, оставляя приметные следы, прямо к деревне и там, около нее, примите бой и держите немцев до последнего патрона, до последнего вздоха. Мы же пойдем своим маршрутом и без следов...

— Так что и шуметь теперь можно? — спросил Гулеватый.

— И даже побольше, только с толком!

— До последнего патрона... — произнес Дробитько. — Это, товарищ командир, значит: до предпоследнего. Так понимать можно?

— Точно!

— Понятно, сказал Дробитько и обратился к Гулеватому: — Сегодня ты полностью весь список можешь отметить. Я так полагаю! — И он крепко обнял своего друга.

Через минуту у костров никого уже не было.

Столетов с Ибрагимовым и Пьяных шли вверх по самому руслу быстро текущего холодного ручья. Они не оставляли следов. Дробитько же с товарищами шли через болото к деревне не гуськом, а вразброд, и следы от их сапог наполнялись ржавой болотной водой, образуя три тропы.

— Вот что, товарищи, — сказал Тарас Дробитько, когда, одолев болото, разведчики подошли к околице опустошенной немцами деревни. — Как говорил Суворов: «Каждый воин должен понимать свой маневр». Так вот наш маневр: во что бы то ни стало задержать эсэсовцев и принять на себя их удар, отвести им глаза, чтобы Столетов с товарищами выполнили задание, пусть хотя бы для этого нам придется помереть.

— Все ясно! — ответил Трофим Гулеватый. — Ежели на мою долю одиннадцать фрицев выпадет, то счет можно считать закрытым...

Дробитько поглядел на Пчелиева. Паренек молчал. Он знал, на что идет, и был уверен, что в трудную минуту будет биться не хуже других. Но как только он начинал думать о том, что завтра, может быть, его уже не будет на свете, ему становилось тоскливо. Он погибнет, и никто: ни товарищи, ни родные — брат, отец, — никогда не узнают о том, как он погиб. Мать... Ну, это, пожалуй, хорошо, что она не узнает. И он представлял себе заплаканное, бесконечно дорогое лицо, и тогда к глазам его тоже подступали слезы. стр. 302

Мысли его прервал строгий и немного насмешливый басок великана Дробитько.

— Дзот грудью прикрыть — это геройство. И всем видать его, — сказал он. — У нас дело посложнее, нам не до геройства. Нам схитрить надо. А если уж погибать нам, так с громом, с музыкой, чтобы чертям тошно стало!

Разведчики вошли в пустую деревню, живописно раскинувшуюся у подножья высокой горы. Отсюда уже можно было разглядеть и позиции немецких зенитчиков, расположенные на склоне в полутора-двух километрах от деревни.

В это время взвод эсэсовцев подошел к догоревшим кострам.

Шедший впереди гитлеровец держал на поводке трех ищеек.

Немцы сосчитали костры. Им, как это и предвидел Столетов, бросились в глаза банки из-под консервов. Сам старший лейтенант Мюллер подсчитал блестящие на солнце жестянки. Выходило много. Число костров тоже показывало, что русских здесь было не меньше, чем два взвода.

Мюллер произвел все подсчеты и, очень довольный собой, послал радиопешу.

Он донес начальству, что русских партизан два взвода, — и для того, чтобы ударить по ним, необходимо подкрепление.

«Проверьте данные вашей разведки и еще раз подтвердите численность противника», — ответил Мюллеру.

Старший лейтенант привык выполнять приказы беспрекословно, и все же он досадовал на начальство за это промедление. Он знал, что только после вторичной проверки и нового донесения он сможет рассчитывать на подкрепление.

Однако русские очень скоро сами помогали Мюллеру в этом. Меньше чем через час он смог снова рапортовать начальству, что число врагов никак не меньше, чем было подсчитано раньше.

Тогда Мюллеру ответили, что в помощь ему на самолетах высылаются роты. переброска и сосредоточение ее должны окончиться к сумеркам, а к ночи партизанскую группу, засевшую в деревне, надлежало уничтожить.

Когда Дробитько с товарищами вошел в деревню, его поразила мертвая тишина, царившая на улице. Двери домов были распахнуты. Почти все вещи стояли в комнатах на своих местах нетронутыми. Видно было, что немцы собрали и вывезли население в полчаса.

Гулеватый нагнулся и поднял из дорожной грязи розовый шерстяной детский чулочек. Рядом валялась игрушечная корова. Друзья молча посмотрели и на чулок, и на игрушку, второпях оброненные ребенком.

Дробитько шел, озираясь по сторонам. Около каждого домика — у сарая или у изгороди — высились заготовленные на зиму поленницы сухих березовых дров.

Каждый раз, когда перед Тарасом возникало затруднение, он думал: «А что бы на моем месте сделал Столетов?» И почти всегда он находил какой-нибудь выход. Так и сейчас он решил сразу, что сделал бы на его месте Сергей.

— Ребята, — сказал он, — вот каждому из вас я отведу по два дома. Пусть каждый в своих домах не медля растопит печи... И лучше сухими дровами. Пусть погуще повалит дым! Подальше будет видно. Понятно?

Товарищи его не напрасно назывались гвардейцами, не зря служили в дивизионной разведке, в первом отделении. Едва только Дробитько начал говорить, как они уже все поняли. А дрова, как нарочно, были сухие, с берестой. Хотя печи были сложены на незнакомый лад и надо было разгадывать назначение каждой вьюшки, растопить их все же не представляло особого труда. Однако Гулеватый, прежде чем растопить печь, напустил полную горницу дыма. Пчелиев, который лучше разбирался во вьюшках, пришел к нему на помощь, и вскоре из шести дымоходов прямо в безветренное небо повалили столбы сизого дыма.

И вот эти-то столбы дыма еще раз убедили Мюллера в его правоте: занимать шесть изб могли, по меньшей мере, два взвода.

Когда все печи были растоплены и топки второй раз полностью загружены дровами, разведчики собрались около избы, в которой орудовал

Дробитько. Он вышел на крыльцо, и они все присели на ступеньки закусить.

— Последний наш обед, друзья! — тихо сказал Пчелиев, но никто ему не ответил.

А в это время над болотом загудели самолеты, и сверху посыпались к стоянке отряда Мюллера черные точки, которые быстро увеличивались. Потом над этими точками вспыхивали купола парашютов.

С крыльца разведчикам видны были и самолеты, и повисшие в воздухе парашютисты. стр. 304

Дробитько не отрываясь следил за самолетами.

«А вдруг это против Столетова?» — с тревогой подумал он.

И только тогда, когда два неприятельских самолета спикировали над самой деревней и прошли над улицей, простреливая ее своими пулеметами и сбросив две небольшие бомбы около домиков с топящимися печками, Дробитько вдруг повеселел.

— Против нас это, хлопцы, против нас все! — радостно прокричал он. — А Столетов, знай себе, идет да идет... Я говорил вам: погибать, так с музыкой! — И он от души рассмеялся.

Пока летали штурмовики, разведчики укрывались в сырой канаве. Теперь они вернулись к крыльцу, где оставалась их еда.

— Вот ты, Пчелиев, недавно школу кончил. Историю, стало быть, учил. А ну-ка, расскажи нам, какие военные хитрости наши предки применяли? Авось и нам на потребу это дело станет, — говорил Дробитько.

— У славян было много военных хитростей, — словно на уроке истории, отвечал Пчелиев. — Например, когда их преследовал неприятель...

— Это, кажется, подходит к нам, — насторожился Дробитько.

— ...когда их преследовал неприятель, они достигали какой-нибудь реки, ложились на дно и дышали через камышинки. Поджидали, пока враг перейдет реку, и тогда вставали со дна реки и с устрашающими криками ударяли на врага с тыла.

— Ну, крик-то, конечно, мы можем, а остальное к нам сейчас не подходит, — серьезно сказал Дробитько. — Во-первых, вода у здешних речек очень прозрачная, не укроешься. Во-вторых, такая холодная, что и пяти минут не усидишь. Стало быть, нам надо придумать что-нибудь поновее.

И тут он хитро улыбнулся, снова посмотрел на костры, плававшие на другой стороне болота, и вверх по склону, к огненным позициям зенитчиков.

«Ну, Сергей, на этот раз ты будешь доволен», — подумал он, и тотчас же товарищи услышали, как он заговорил шепотом:

— Вот что, друзья, — говорил Дробитько. — Не обороняться мы будем, а нападать! Да, нападать. Как только немцы пойдут на нас со

стороны болота, мы завяжем перестрелку, потом отскочим наверх и... стр. 305
откроем огонь по этим, — он указал на склон, на позиции зенитчиков. —
Ну, а там уж, поверьте мне на слово, заварится каша, что сам черт ногу
сломает. Пока фрицы эту кашу расхлебают, мы и выскочим из кольца.
Понятно?

Это было чудесный план. Он давал возможность не только выполнить задание, но и спастись.

Наступали быстрые в горах сумерки, и надо было готовиться к близкому уже бою...

— Товарищи, давайте вот еще что сделаем, — сказал Пчелиев.

Он предложил разжечь в нескольких местах у деревенской околицы костры, как раскладывают карельские лесорубы: одно бревно укладывается на другое, и в промежутках засыпаются горящие угли. Такой костер горит без большого огня несколько часов и не требует за собой ухода.

— А в бревнах проделаем щели, — продолжал Пчелиев, — и заклиним в них патроны. Когда к ним подберется огонь, они начнут рваться. И получится вроде стрельбы со всех сторон. Вот тогда немцы начнут разворачиваться...

Так и сделали: соорудили по краю болота пять таких костров-ракотулетов.

Работа спорилась; тут же притащили и уголь из жарко натопленных печей.

Всё приготовили и залегли между мшистыми камнями у самой дороги, которая, огибая подножье горы, уходила влево.

Почти тотчас немцы пошли в наступление. Они пробирались через болото тремя колоннами.

Когда одна колонна была уже совсем близко, первый ракотулет встретил их пальбой, как бы очередями из нескольких автоматов. Немцы развернулись и залегли.

Огонь десяти ручных пулеметов сосредоточился на этом ракотулете. Но уже со всех сторон зазвучала стрельба. Это рвались патроны на других кострах.

Немцы прижались к земле и повели ответный огонь.

— Хороша музыка! — с удовлетворением отметил Дробитько.

— Да, здесь они израсходуют уйму свинца, — отвечал ему Пчелиев. И тут Гулеватый вскочил вдруг на ноги и, размахнувшись, бросил в темноту одну за другой три гранаты.

У него было кошачье зрение.

Сразу же после взрывов в темноте слышались стоны и жалобные крики.

«Немцы, сущие немцы! — подумал Дробитько. — Орут, как подстре стр. 306

ленные зайцы». Он посылал в темноту очередь за очередью. Оттуда неслись прерывистые разноцветные нити трассирующих пуль. Рядом, осыпая разведчиков поднятой землей, разорвалась мина.

— Теперь надо уходить, и поскорее, — подумал Дробитько вслух и окликнул Пчелиева и Гулеватого: — Айда!

Гулеватый едва слышно отозвался:

— Мне не уйти... Ноги перебиты! Уходите быстрее, я задержу вас!

И по тону его Дробитько понял, что споров быть не может. Вдвоем же выполнить задуманный план и еще унести товарища они с Пчелиевым не могли. Все же Дробитько нагнулся над раненым, пытаясь приподнять его.

— Идите скорее! — настойчиво сказал Гулеватый, еле сдерживая стон. — Идите. На, возьми, тебе завещаю. — Вынул он из-за пазухи сверток и протянул Пчелиеву.

Товарищи простились с ним и быстро пошли вверх по дороге.

Гулеватый остался один, всматриваясь в темноту, прислушиваясь к неумолчному оглушающему стуку станковых и ручных пулеметов.

Немцы были уже совсем близко. Через минуту они ворвутся в деревню.

«Не мое дело теперь хитрить с ними, — подумал Гулеватый, — мое дело — бить! Как там Дробитько?» — подумал он о товарищах и прислушался.

Нет, выстрелов на горе не было.

Тут Гулеватый заметил немца так близко от себя, что, казалось, можно было достать его рукой. Гулеватый выстрелил, и немец замер.

Рычажок автомата Трофима был переведен теперь на одиночные выстрелы. Через несколько секунд Гулеватый уложил второго немца. Теперь он снова начинал считать:

— Третий! Четвертый!

Цветистые нити трассирующих пуль сплетали над ним то и дело вспыхивающую и гаснущую сеть.

Совсем рядом звякнула о камень и с жалобным визгом отлетела пуля.

С каждой минутой немцы приближались, и их становилось все больше и больше. А сверху, на горе, было по-прежнему тихо.

Вот немецкие солдаты, перекликаясь, рванулись вперед. Они были уже в десяти шагах от камня, за которым лежал Гулеватый. Тогда он торопливо отложил автомат, преодолевая боль, приподнялся на одной руке и другой, что было силы, размахнулся и метнул гранату.

Взрыва он уже не услышал. Не услышал он и того, как в ту же минуту ударили наверху, вдалеке, очереди автоматов и затем раздались крики, застучали зенитки и сверху вниз застрочили пулеметы...

стр. 307

Немцы сверху били по своим.

5

Ночью в горах звук разносится очень далеко. И Столетов, дежуривший около товарищей, прилегших на часок отдохнуть, слышал отдаленные шумы ночного боя, который уже происходил в нескольких километрах от деревни.

Еле слышные, точно дальнейшее похрустывание сухого сучка, долетали сюда выстрелы автомата; звуки пулеметов были хорошо различимы.

А когда в дело ввязались орудия, проснулся Матвей Пьяных, а за ним и Ибрагимов.

Они молча прислушивались к далекому бою.

Это было просто удивительно, как сражались товарищи! Неужто против них пустили в дело даже артиллерию?

Столетов насчитал, что действуют четыре орудия.

А бой все длился и длился...

Столетов, Пьяных и Ибрагимов живо представил себе оставленных товарищей, их лица, давно ставшие такими знакомыми и родными.

Через горы, болота и леса товарищи подавали весть о себе. Не прощальную ли?

— Твоя очередь отдыхать, — сказал Пьяных Столетову. — Ложись, я подежурю.

Но Столетов не стал отдыхать.

— Пошли! — скомандовал он.

И товарищи поднялись.

До цели им оставалось еще семнадцать километров. Через двадцать шесть часов, к рассвету, станция должна была перестать работать. Таков был приказ полковника.

Спускаясь по склону, разведчики шли гуськом. Камешки вырвались из-под ног и стремительно сбегали вниз, обгоняя бойцов.

Отзвуки отдаленного боя становились все глуше и глуше. Постепенно гул оружейных выстрелов смолк, пулеметная строчка незаметно сошла на нет, растворилась, заглохла в шумном дыхании идущих. стр. 308

И когда все затихло, Столетов, не останавливаясь, сказал товарищам:

— Ежели после того, что они сделали для нас, мы задания не выполним, грош нам цена!

И Пьяных отозвался из темноты:

— Выполним, товарищ гвардии старший сержант!

Пошел дождь. Через час он перешел в ливень, но и под косыми, секущими лицо струями разведчики продолжали идти.

Они шли всю ночь и продолжали идти тогда, когда, разгоняя тучи утренним ветром, над горами узкой полоской снова заалел рассвет. Полоска эта становилась все шире и шире, а дождь шел все медленней и реже и постепенно растворился в горных туманах.

Мокрые, в отяжелевшей и топорщившейся от влаги одежде, они молча продолжали свой путь. Время от времени Столетов на ходу сверял направление со стрелкой компаса на руке.

Так наступил день.

Разведчики вышли к дороге, раскисшей от ночного ливня. Почти вдоль нее тянулась подвесная канатная дорога.

Устой ее — огромные козлы, связанные из многих телеграфных столбов, — высились в нескольких метрах от обочины; тяжелые толстые канаты, как огромные натянутые струны, бежали от устоя к устою над самой головой разведчиков.

Теперь на пути к станции осталось только одно препятствие — горная река. Через нее был переброшен легкий висячий мост, по которому, однако, спокойно мог проехать грузовик. Маленький, подобный игрушечному, домик лепился у самого берегового обрыва.

Минут двадцать издали разглядывали разведчики и мост и домик, из трубы которого вился полупрозрачный дымок, пока не убедились, что около моста нет часовых.

Тогда Столетов решил перейти на другой берег реки прямо по мосту: этим выигрывалось несколько часов, да и размытая дождем дорога окончательно обила бы со следов ищеек, если они еще продолжали преследование.

— Я иду вместе с Ибрагимовым. Если все будет тихо, ты следуй за нами, — сказал Столетов Пьяных. — Если будет стрельба и мы не вернемся, значит, нам каюк. Тогда иди вверх по течению, перебирайся вброд и один выполняй приказ!...

стр. 309

Разведчики разделили взрывчатку склона. Оттуда ему было далеко видно и то, что делается впереди, у моста, и то, что делается позади, на извилистой горной дороге. Глядя вперед и волнуясь за каждый шаг товарищей, Матвей видел, как они беспрепятственно достигли моста, огляделись и пошли дальше. Вот они перешли мост и очутились у домика.

Дальше дорога шла по узкому ущелью. Почти отвесные стены вставали справа и слева, и в сторону с дороги нельзя было никуда сойти. Матвей Пьяных увидел, как отворилась дверь домика и на крылечке появилась крохотная фигурка.

«Девочка», — подумал Пьяных, и на душе у него стало как-то уютнее.

Он обернулся и посмотрел вдаль по извилистой дороге. То, что он увидел, заставило его побледнеть. Он вскочил на ноги, быстро приладил за спину свой мешок и побежал вниз, к мосту, вслед за товарищами.

Он, спотыкаясь и падая, бежал, стремясь как можно скорее догнать друзей и рассказать им о том, что он увидел с горы.

А увидел он вот что: по дороге, одолевая крутой подъем, медленно ползли три грузовика. Они были километрах в четырех от моста... Об этом надо было скорее предупредить товарищей, хотя сам Пьяных и не представлял, что же теперь можно сделать. Но прежде всего надо было предупредить.

Разговаривая со сторожем, вышедшим вслед за девочкой, Столетов заметил бегущего к мосту Пьяных. Он и сам уже был встревожен.

Старик сначала принял его и Ибрагимова за немецких солдат. Час назад, кое-как объяснил он, ему сообщили по телефону, что на пост направлена усиленная охрана. Видимо, опасались партизан.

Старик был явно смущен, придя к выводу, что именно партизаны находятся перед ним.

Встревоженный словами старика, Столетов, однако, не представлял себе, с какой быстротой надвигается гроза. И когда запыхавшийся Пьяных рассказал, что грузовики уже поднимаются на последний перевал перед мостом, Сергей понял, что не пройдет и пяти минут, как они появятся здесь.

Столетов посмотрел вперед на дорогу. Она уходила больше чем на километр длинным коридором, между высокими, обрывистыми скалами. стр. 310

— Нет, мы не успеем пройти ее за несколько минут, — решил он. — Что же делать? Что делать? — спрашивал он себя, оглядываясь по сторонам.

Легкий, ажурный мост, переброшенный через неустанно ревущий поток, казался совсем хрупким. И вот сейчас по нему промчится на трех грузовиках в зеленых мундирах — смерть.

Надо ее остановить.

Пересохшими от волнения губами Сергей сказал:

— Мы его взорвем!

«Правильно! Мы ведь уже на этом берегу, и теперь до электростанции всего пять километров. Мы успеем сделать свое дело, а там уж будь что будет!» — подумал, еще тяжело дыша от бега, Пьяных.

Разведчики быстро скинули свои мешки.

Взрывчатку для взрыва моста решили взять из мешка Столетова. Свой мешок Пьяных пристроил на высоком камне, чтобы потом удобнее было вскинуть его на спину.

Не прошло и минуты, как Столетов принялся укреплять на мосту, почти не самой его середине, кубики тола.

Ибрагимов прикладывал к взрывчатке бикфордов шнур.

Старик с девочкой, ошеломленные быстротой, с какой неведомые люди взялись за дело, издали наблюдали за их работой.

Через минуту-другую — не успел еще Пьяных отдышаться — Столетов, подложив под поперечную балку взрывчатку, был уже на берегу.

Внимательно прислушавшись, можно было уловить, как фырчат, одолевал подъем, моторы грузовиков.

— Поджигай! — скомандовал Столетов.

— Есть! — отозвался Ибрагимов и поднес спичку к шнуру.

Голубенький огонек пополз по шнуру к взрывчатке.

Не сводя с него глаз, и Столетов, и Пьяных, и старик с внучкой следили за тем, как он ползет по шнуру.

И вот в ту минуту, когда явственно послышалось ворчанье моторов за ближайшим склоном, огонек этот остановился на одном месте, словно потоптался на нем, и погас.

Столетов взглянул на Ибрагимова и поймал его смущенный, растерянный взгляд. Оба сразу взглянули на то место, где только что светился огонек. Там его не было. И дальше тоже не бежал он. Погас...

Шнур, по-видимому, был сломан; на сгибе его и потух этот огонек. стр. 311

Что же теперь делать?

Этот безмолвный и страшный вопрос прочитал в глазах Ибрагимов Столетов.

Ибрагимов снова потянулся к спичкам. Но уже показался радиатор выползающей машины.

— Действуй! — крикнул Столетов и сам схватился за гранату, висевшую у него на поясе.

И тогда Ибрагимов понял, что надо ему делать.

Зажигать шнур в том месте, где он погас, теперь уже было поздно. Вскочив на ноги, быстрой и ловкой походкой горца, то полушагом, то полубегом, Ибрагимов устремился к взрывчатке на мосту...

На ходу он рванул с пояса гранату, отшвырнул в сторону чугунную рубашку ее, сорвал предохранитель и, встряхнув гранату, вставил ее среди кубиков тола. Потом с быстротой, какая раньше ему показалась бы невозможной, он побежал по мосту обратно, туда, где ждали товарищи.

Все это произошло в считанные секунды.

Немецкий грузовик пошел вниз по склону и уже въезжал на мост. Наверху появился радиатор машины.

Ибрагимову осталось еще два-три шага до берега, и в это мгновение раздался взрыв.

Кверху полетели доски настила моста. Со свистом взвился вверх и затем повис, достигая пенящейся внизу воды, конец оборванного стального троса, державшего мост. И сразу же мост перекосялся, словно стал на ребро. Второй трос остался невредимым, но повис. Доски шлепались в реку, поднимая фонтаны брызг.

Взрывная волна толкнула в спину Ибрагимова, он растянулся плашмя; ноги его были еще на досках моста, а туловище — в жидкой грязи дороги. Он был оглушен взрывом.

Пьяных бросился к товарищу и быстро оттащил его к прибрежным валунам. И поэтому только один Столетов видел, как немецкий грузовик, уже въехавший на мост, завалился, а затем по перекосившемуся настилу соскользнул в реку, на отшлифованные водою камни...

Но зато Столетов не видел того, что увидела девочка: взрывной волной сдвинуло с камня мешок Матвея Пьяных; потеряв равновесие, мешок покачнулся и упал вниз, в поток — туда же, куда рухнул немецкий грузовик.

Вторая машина затормозила на гребне, и мотор ее заглох. Внизу же, за холмом, еще рокотал мотор третьего автомобиля.

Все это произошло меньше чем в какую-нибудь минуту.

стр. 312

Не успели покинуть свои места немецкие солдаты на втором грузовике, не успели с третьей машины осведомиться у передних, что произошло, в чем задержка, как все отгрохотало и затихло.

А когда по гребню рассыпались немецкие солдаты, двигаясь к мосту, второй трос не выдержал чрезмерной нагрузки и тоже оборвался, со свистом взлетел вверх.

Мост рухнул, и теперь уже разведчиков отделяла от врага ущелистая ложбина реки.

Немцы сначала залегли, затем поднялись и столпились у обрыва.

«Уложу-ка нескольких одной очередью», — подумал Столетов, но тут же решил, что ее не стоит выдавать себя и связываться боем.

Он пополз к соседнему камню, за которым теперь находились Пьяных и Ибрагимов.

Ибрагимов постепенно приходил в себя.

— Молодец! — сказал Столетов и пожал Ибрагимову руку. — Молодец! Теперь тебе до ста лет жить! Везучий ты!

Ибрагимов улыбался. Он хотел что-то сказать в ответ, но слова как-то не складывались, и язык у него был словно из ваты.

— Ну, а теперь вперед! — сказал Сергей товарищам.

И только сейчас хватился Матвей Пьяных своего мешка. На камне его не было. Куда же он делся? Не остался ли около крыльца? Матвей ринулся к домику. Но и там мешка не было.

Девочка сразу поняла, что ищет этот человек, и показала на камень, а затем вниз, в стремнину потока.

В первую минуту Пьяных даже не осознал полностью, что значит эта потеря. Они отошли от моста на метров пятьсот, когда он стал докладывать Столетову о случившемся. И только в эту минуту, взглянув в лицо товарища, Матвей вдруг понял весь ужас их положения.

Они находятся здесь, в глубоком вражеском тылу, вблизи от электростанции — и без взрывчатки! Они достигли цели, но им нечем выполнить задание. Значит, весь свой страшный путь они проделали впустую; значит, и Дробитько, и Пчелиев, и Гулеватый рисковали собой напрасно.

Они стояли посреди прорубленной в ущелье дороги, в каком-нибудь полукилометре от немецких солдат, растерянные, не зная, что предпринять.

Потом пошли вперед, так и не придя ни к какому решению. Через два часа, когда солнце уже начинало склоняться, они подошли к электростанции. стр. 313

Это было небольшое красивое строение на берегу озера.

Станция стояла на том месте, где из озера выбегала быстрая речка, прегражденная плотиной.

Тут же неподалеку, вверху, тянулись тросы канатной дороги, по ним катились груженные площадки, мерно и спокойно работала станция, гладко было стальное зеркало озера.

А разведчики сидели, укрывшись в кустах на берегу озера, теряясь в догадках, что же им предпринять, чтобы выполнить приказ полковника.

6

Перед рассветом должна была начаться артподготовка. И выполнит задание Столетов или нет, а дивизия должна была идти на прорыв.

Полковник вызвал начальника артиллерии, чтобы проверить еще раз график поддержки пехоты и все сигналы управления огнем.

Весь день он был очень занят, но при всей озабоченности его не покидала мысль о Столетове. И теперь, отпустив начальника артиллерии и оставшись один, он снова подумал о том, где сейчас Столетов со своей группой. Сделают ли они свое дело? Уцелеют ли?

Уже вечерело. Это был тот самый час, когда Столетов с Ибрагимовым и Пьяных достигли электростанции и расположились на берегу озера.

Полковник стал выколачивать пепел из трубки, потом поискал спички.

— Ежели они не выполнят, то сомневаюсь, чтобы кто-нибудь в дивизии смог выполнить, — сказал Строев и встал, прислушиваясь.

Двери земляник растворились, и вместе с командиром разведвзвода в помещение вошел Пчелиев. Он был без пилотки, волосы его были растрепаны, одежда изодрана. И то, что из всего отделения он был один, и именно он, а не Столетов, заставило вздрогнуть комдива.

— Что со Столетовым? — быстро спросил Строев.

— Не знаю, товарищ гвардий полковник. Мы с ним расстались вчера утром, по его приказу, — отрывисто отвечал Пчелиев. — Он с Ибрагимовым и Пьяных пошел вперед, а мы с Дробитько и Гулеватым приняли удар, чтобы задержать врага. Дрались в деревне.

— Так что тебе неизвестно, добрался Столетов до цели или нет?

— Да, товарищ гвардии полковник, неизвестно...

— А ваши товарищи?

— Я полагаю, Гулеватый погиб. А вот где Дробитько, не знаю. Я думал, что он будет здесь раньше чем я.

И Пчелиев взволнованно, торопясь, пропуская слова и повторяясь, рассказал, как, действуя по плану Дробитько, они выбежали из селения в ночной темноте и устремились прямо к огненным позициям немецких зенитчиков, обстреляли эти позиции из автоматов и бросили в немцев по две гранаты каждый.

Немцы всполошились, — рассказывал Пчелиев, — прозвучала боевая тревога. Они открыли вниз по склону огонь из пулеметов, винтовок и даже орудий. А оттуда, преследуя нас, продвигались немецкие каратели; на них -то и обрушился огонь зенитчиков. Началась перепалка. Они друг друга колотили. В суматохе мы и ушли, да только в темноте растерялись.

Прежде чем в деревне все утихло, Пчелиев успел пройти немалую часть пути.

— Хорошо, хорошо, — одобрительно заметил полковник, слушая молодого разведчика.

К ночи явился и Дробитько. Он был ранен и сильно ослабел от потери крови. Пчелиев повидался с ним перед его отправкой в госпиталь.

— Дядя Тарас, я и за тебя здесь отметинку сделаю, — сказал он при расставании, достав тетрадь, полученную от Гулеватого. — Мне завещал Гулеватый довести его счет до конца. Может быть, нынче ночью он и сам все исполнил...

Пчелиев проводил санитарную повозку по редкому леску до того места, где дорога уходила в открытое поле.

Если бы у нас и была взрывчатка, — сказал, вздыхая, Пьяных, — то я бы не стал взрывать станцию. Пригодится нам. Вот плотина — это дело другое. Плотины около подъемного щита взорвать — это в самый раз. Станция сразу же с катушек долой! А хлопот с ремонтом, когда придут наши, только на неделю.

— Весь вопрос в том, где эту самую взрывчатку теперь достать, — стр. 315
в раздумье сказал Ибрагимов и поглядел на Столетова.

Столетов не ответил. Ему было стыдно сознаться в своей беспомощности, но время шло, а выхода он все же не находил.

Вот уже час, как они сидели в кустах на берегу озера и наблюдали за плотиной, по которой взад и вперед, словно маятник, ходит немецкий часовой.

Наступали сумерки, а разведчики все еще не знали, на что решится. О том, чтобы вернуться, ничего не сделав, не могло быть и речи, но что надо предпринять, тоже не знали.

Погрузившись в думу, Столетов машинально следил, как по канату подвесной дороги катилась площадка с грузом. Он проводил ее взглядом, пока она не скрылась за скалистыми холмами. И вдруг улыбнулся.

«Есть! — облегченно вздохнул Ибрагимов, не сводивший с командира глаз. — Теперь все в порядке!»

Но он не решился спросить сразу, что же надумал Столетов.

— Другого выхода нет, — вслух произнес Сергей, — иначе в глаза товарищам нельзя будет смотреть!

Тут к нему обернулся и Матвей Пьяных.

— Говори! — нетерпеливо попросил он.

— Посмотрите! — кивнул Столетов на пробегающую по канату груженую площадку.

Разведчики поглядели туда, куда указал Столетов.

— Ну, ну? — с недоумением спрашивали они.

— Разве вы ни о чем не догадываетесь сами?

Бойцы молчали.

— Говори! — еще раз попросил Пьяных.

— Дело может выгореть! — уже увлекаясь своим планом, заговорил Столетов. — Только надо подождать, пока совсем стемнеет. А то дорогу эту за десять верст разглядеть можно.

И, видя, что товарищи по-прежнему ни о чем не догадываются, он спросил:

— Что там, по-вашему, на этих площадках перевозят?

— Ну, боеприпасы...

- Значит, и взрывчатку?
— Значит, и взрывчатку.
— А не попытаться ли нам достать немецкую взрывчатку, если своей лишились?
— Можно!
— Нужно! Но это можно будет сделать только в темноте...
— А если там не будет взрывчатки?
— Ну, тогда...

стр. 316

Впрочем, Столетов и сам не знал, что тогда можно будет сделать, но он верил в удачу.

Он уже распорядился.

— Ты, Пьяных, — говорил он сибиряку, — остаешься здесь и точно выясняешь, через сколько времени сменяется караульный на плотине. Сам понимаешь, для чего это. Ну, заодно приглядишься, где поудобнее разрушить плотину. А я с Ибрагимовым попытаю счастья на подвесной дороге.

И Пьяных остался на берегу озера, а Столетов с Ибрагимовым отправились к подвесной дороге.

Наступившая вечерняя темнота позволила им незамеченными подобраться к деревянным устоям подвесной дороги, а Матвею Пьяных — подползти поближе к плотине.

Теперь часовой только пяти шагов не доходил до того места, где лежал среди кочек и кустов Матвей; тот с напряженным вниманием следил за часовым, проклиная свою утреннюю неудачу с мешком.

Плотина, за которой он наблюдал, чем-то действительно напоминала плотину в родном колхозе.

Куда бы приладиться и положить взрывчатку?

Как раз в то время, когда Пьяных подползал к плотине, Столетов с Ибрагимовым подошли к огромным бревенчатым козлам-устоям, на поперечной перекладине которых на высоте двенадцати метров были подвешены канаты.

«Здесь я влезу, а сбрасывать буду у следующих устоев», — решил Столетов.

Соседние устои-козлы находились метрах в двухстах от первых.

— Там ты меня и будешь ждать... Иди! — сказал он Ибрагимову.

Для того чтобы достигнуть следующего устоя, Ибрагимову надо было пройти каменистый пригорок, спуститься вниз в ущелье, на дне которого журчал холодный ручеек, и снова подняться на склон.

Когда Ибрагимов исчез, растворился в ночном сумраке, Столетов попытался влезть наверх, к канатам. Это оказалось не так легко, как он сначала предполагал.

Очищенные от коры бревна, многократно омытые дождями, были скользкими, и выше, чем на три метра, Сергей никак не мог взобраться.

Он скользил вниз, царапая руки до крови, раздирая свой ватник. К тому же сказывалась и усталость.

После двух неудачных попыток подняться по этим покато поставленным бревнам Сергей понял, что плетью обуха не перешибешь, и, вытащив из ножен финский нож, стал вырезать в бревнах зарубки. Ставя на них сапог, он получал точку опоры и мог карабкаться вверх.

стр. 317

Щепки откалывались острым ножом без особого труда, но все же для того, чтобы взобраться на высоту двенадцати метров, Сергею понадобилось больше полутора часов.

Стирая со лба пот, он сидел верхом на перекладине этих гигантских козел. Отсюда сквозь ночной мрак он не видел каменистой земли, распротертой внизу. Но зато канаты, по которым с минуты на минуту могла пройти маленькая грузовая площадка, он мог различить. Сидя верхом на бревне, он подумал о том, что Ибрагимов дошел, наверно, уже до соседних устоев и теперь беспокоится о нем. Он подумал и о Пьяных, который теперь лежит один у плотины и наблюдает. И он почувствовал такую любовь и такое уважение к этим людям, что не мог тут же не выразить эти чувства.

— Эх, братки, родные мои братки! — прошептал он и ловко прыгнул вниз, на проходившую в то время под перекладиной площадку с грузом.

И сразу же перекладина, на которой он только что стоял, оторвалась и поплыла назад во тьму и исчезла. Столетову же показалось, что он сам плывет куда-то по воздуху на этой площадке. Перил на площадке не было. Один неверный шаг, и Столетов мог бы рухнуть вниз, на камни. Впрочем, о грозившей ему опасности он подумал много позднее. В ту же минуту он знал, что должен действовать возможно быстрее, а чтобы дойти до следующей фермы, у которой ждет его Ибрагимов, в его распоряжении не больше пяти минут.

И Столетов стал обшаривать руками груз площадки. Это были аккуратно уложенные деревянные ящики. К счастью, они были с кожаными застежками. Быстро вспарывая одну застежку за другой, Столетов находил в каждом ящичке только патроны. Ружейные и автоматные патроны — больше ничего.

Он продолжал судорожно работать, но и в других ящиках были только патроны и патроны. Какая жалость!

Площадка приближалась к следующим козлам. Вот уже перекладина над головой. Столетов обеими руками ухватился за нее и повис в воздухе.

Площадка, качнувшись, ушла из-под ног.

Столетов спустился по бревнам вниз. Там его встретил встревоженный Ибрагимов.

— Почему там долго? Я пять площадок пропустил — думал, ты едешь. Нет тебя! Я очень боялся, что ты упал на камни. стр. 318

— Потом расскажу все, — отвечал Столетов.

Надо было немедленно идти обратно и повторить рискованную поездку.

Минут двадцать потребовалось ему, чтобы пройти двести метров, отделяющих первые устои от вторых. Зато теперь по готовым зарубкам на бревнах он добрался до перекладины всего в несколько минут.

И так же, как в первый раз, он прыгнул на идущую мимо площадку. И так же плыл он над скалами и канатном пути, и так же ему не повезло.

Только на этот раз в ящиках были не патроны, а снаряды и мины...

— Ничего не поделаешь, придется идти в третий раз, — сказал он поджидавшему его внизу Ибрагимову.

— Скоро три часа ночи, товарищ старший сержант, — напомнил Ибрагимов.

И вдруг оба они вздрогнули. От озера донесся гулкий винтовочный выстрел. Один.

Они подождали.

Второго выстрела не было. Что это могло означать? Не обнаружен ли Пьяных? Не погиб ли он?

Но все вокруг было по-прежнему тихо.

Столетов снова исчез в ночной темноте.

Когда он третий раз спрыгнул на площадку, он был уже близок к отчаянию. На этот раз в ящиках были не патроны и не снаряды, а какие-то продолговатые пакеты, завернутые в шелковую ткань.

Что это было, Столетов в темноте не мог разобрать. В этих шелковистых мешках лежали какие-то длинные пластинки и круглые палочки, напоминающие огромные макароны.

— Что за чертовщина! — выругался Столетов и продолжал лихорадочно обшаривать ящики один за другим, пока наконец пальцы его не нащупали в одном из них маленькие целлулоидные пакетики. В то же мгновение Сергей понял, что находилось в шелковых мешках. Порох дополнительных зарядов для артиллерийских снарядов! На худой конец, это могло пригодиться.

Столетов перерезал ножом одну за другой веревки, прикреплявшие ящики к площадке. Приближались устои следующей фермы.

Столетов подтолкнул ящики к краю площадки, и она, накрепившись, стр. 319
пошла немного медленнее. Тихонько свистнул, и Ибрагимов отозвался внизу на условный сигнал.

И тогда Столетов спихнул вниз ящик с порохом. За первым ящиком полетел второй... Столетов сдвинул с места и столкнул в темноту третий и сам, потеряв на мгновение равновесие, чуть было не упал вместе с ним, но успел ухватиться рукой за канат и удержался. Однако перекладина, за которую он должен был ухватиться, чтобы сойти с площадки, в это мгновение проплыла над ним, и теперь Столетову ничего не оставалось делать, как впустую прокатиться следующие двести метров.

Он плыл в ночной темноте высоко в воздухе и, как ни старался, не мог припомнить над чем проходит этот перегон. Над ущельем ли, над склоном или над поросшим редкой елью болотом?

Теперь Сергей уже не пропустил приближившуюся перекладину. Он обнял ее обеими руками и, подтянувшись, сел на нее верхом. Затем стал осторожно спускаться на землю. Заноза глубоко вонзилась ему в ладонь.

Очутившись на земле, он попытался вытащить занозу, но второпях обломал ее конец. И, больше уже не теряя времени, побежал обратно к тому месту, где его ждал Ибрагимов и где находились сброшенные ящики.

К счастью, этот пролет дороги проходил над ровным склоном, и никаких препятствий, кроме небольших камней, Сергей не встретил.

Ибрагимов за это время успел подтащить ящики один к другому. Они были сделаны добротно. Ни один не разбился при падении. Но, раскрыв их, Ибрагимов был удивлен.

При свете звезд блестели белые длинные и узкие шелковые мешочки. Что это в них за пластинки и круглые палочки, Ибрагимов не понимал. Во всяком случае, это не был нужный для дела тол.

«Столетов знает, что делает», — решил Ибрагимов и продолжал ворочать тяжелые ящики, стаскивая их в одно место.

Когда Столетов очутился возле него, Ибрагимов спросил, что это за пластинки и палочки.

— Вот что это такое! — ответил Сергей.

Он отломал маленький кусочек пластинки и, зайдя за скалу, спичкой зажег его. Кусочек пластинки вспыхнул со свистом и в одно мгновение сгорел ярким пламенем.

— Порох это! Хуже, чем тол, да ничего!

Распарывая шелковые мешочки, они набили свои вещевые мешки порохом. Потом, взвалив мешки за спину, осторожно направились к озеру, к тому месту, где их должен был ждать Матвей Пьяных.

стр. 320

Однако не все случается, как намечаешь, не всегда жизнь и дела идут по расписанию. Короче говоря, Пьяных на условленном месте не оказалось.

Они легли на землю и, оглядываясь, стали ждать. Может быть, он где-нибудь здесь поблизости и сейчас даст о себе знать. Но нет, его не было. Может быть, он попался и сейчас пойманный стоит перед фашистским офицером. Нет, он не мог так бесследно пропасть. В этом Столетов был убежден. Не такой Пьяных человек, чтобы, погибая, не выстрелить, не закричать — не подать какой-нибудь сигнал товарищам.

Нет, Матвей просто так не сгинул бы. И выстрел, который Столетов слышал, был винтовочный. Но Пьяных все-таки нет на месте! Где же он мог быть? А часовой? На плотине не было и часового...

Не веря своим глазам, Столетов стал всматриваться в предрассветную темноту. В самом деле, часового на плотине не было. На другом берегу, около здания электростанции, вероятно, были другие часовые, но здесь, на плотине, никого не было.

«Не подвох ли это?» — подумал Сергей.

Но вокруг было совсем тихо, если не считать какого-то странного шороха.

Столетов и Ибрагимов прислушались.

Ибрагимов вопросительно взглянул на старшего сержанта, но Сергей еще ничего не мог объяснить своему подчиненному. Дольше ждать было нельзя. До назначенного полковником срока оставалось всего минут сорок, не больше.

— Я поползу вперед, разведу плотину, — прошептал Столетов, — а ты оставайся здесь с мешками...

Прижимаясь всем телом к земле, он пополз по самому верху узкой и невысокой плотины.

Облака бежали по небу, и звезды выплывали из-за них и снова ныряли в полупрозрачные облачные пряди. Месяц висел где-то у самой вершины кряжа: казалось, что одним рогом он зацепился за скалу. Предрассветный ветер рябил гладкую поверхность озера.

Столетов чуть не натолкнулся на тело, лежавшее поперек плотины, и осмотрел его. Это был немецкий солдат. Часовой.

Отблеск месяца сверкнул на плоском штыке валявшейся рядом винтовки.

А где же Пьяных? А вот он и сам: мокрый, дрожащий от холода, он лежит на животе и, свешиваясь вниз по откосу плотины, орудует своей шанцевой лопаткой, отбрасывая наверх землю, около него уже выросла небольшая кучка земли, и он снова свешивается и действует лопаткой.

Столетов подполз к нему.

— Где ты намок? — спросил он Матвея.

— Вместе со вторым часовым упал в воду, — не отрываясь от работы, ответил Пьяных. — И там, в воде, задушил его... Даже крикнуть ему не

дал. А первого я финкой полоснул... Второй — на меня. Обнялись, и — вместе в воду.

— Как второй? Откуда?

— Двух поставили!... Скорее давай тол, времени осталось до смены полчаса...

— Тола нет! — мрачно ответил Столетов.

Матвей перестал скрести землю.

— А я уже и место для заряда подготовил! Я думал, ты достанешь! — сказал он и безнадежно махнул рукой.

— Я и достал, только порох. Тола у нас два кусочка по двести граммов в моем мешке оставалось, пороха пудов пять да восемь ручных гранат. Вот я и думаю: забьем сюда, в твою ямку, и запалим!

Пьяных задумался. «Может быть, и можно так сделать. Может быть, и выйдет!...»

— А детонаторы где? — спросил он.

— Помнишь утренный детонатор Ибрагимова?

Конечно, можно попробовать гранату как детонатор. Только на месте Ибрагимова будет теперь он сам, Матвей Пьяных, потому что по его оплошности потеряна взрывчатка, и нельзя же испытывать счастье дважды, нельзя рассчитывать, что и в этот раз человек, который поставит гранату, останется жив, думал Матвей.

И он еще яростнее принялся копать землю.

Так думал Матвей, но не так предполагал провести дело Столетов. Он пополз за Ибрагимовым; не прошло и десяти минут, как они оба были уже на месте, около Пьяных, с тяжелыми мешками, груженными порохом.

Они принялись копать. Земля была сырая и легко поддавалась их усилиям. Они вырыли нору в виде буквы «Г», в тупик норы заложили весь порох и две шашки тола.

— Как же мне гранату класть? Не достать ведь? — сказал Пьяных.

— Эх ты, непонятливый! — с укоризной сказал ему в ответ Столетов. — гранаты на взводе. Мы положим их туда, внутрь, среди пороха. Надо будет только выдернуть чеку, проволоку — и бах! У нас в распоряжении штук семь мешочков из-под пороха, да ляжки от заплечных мешков, да поясные ремни... Свяжем их, и метров за пятнадцать можно будет дернуть, да там еще за три-четыре секунды метров за двадцать отбежать. Почти что безопасно!

стр. 322

И они начали плести этот шнур, связывая вместе ремни да матерчатые полоски о рюкзаков и мешочков из-под пороха.

Сердце у Пьяных билось учащенно. Он испытывал восторг, будто к нему после тяжелой болезни возвращалась жизнь.

— Брось стучать зубами! — приказал Столетов.

А Пьяных, продрогший в мокрой одежде, даже и не замечал, что у него стучат зубы. Но и после приказания Столетова он не смог удержать дрожь.

Теперь все было готово. Только тоненькие предохранительные проволочки гранат, которые надо было выдернуть, чтобы получился взрыв, нельзя было подцепить ни матерчатым, ни ременным концом шнура.

— Тут дело тонкое, тут нитки нужны, а где их достанешь? — сказал Ибрагимов.

«Неужели из-за такого пустяка все сорвется?» — подумал Столетов, больше изобретать у него не хватало энергии. Да и времени уже не было...

— Через восемь минут... — сказал, взглянув на часы, Пьяных и вздохнул. И вдруг он широко улыбнулся. — Товарищ, — сказал он, мой Митька нас выручит! — И тотчас полез в карман гимнастерки и достал оттуда свои бережно хранимые ниточки: три мерки с сына.

В последнюю дырочку пояса вдели эти нитки. Другие концы их были привязаны к проволочкам на гранатах. На всех трех гранатах — для большей надежности!

Заряд был готов, и шнур метров в двенадцать длиной протянулся от него.

— Я сам буду дергать! — сказал Столетов. — Ты, Пьяных, и ты, Ибрагимов, бегите подальше. Ну!

— Это мое дело дергать, — ответил Пьяных.

— Я бы с удовольствием уступил тебе, да посмотри: у тебя руки дрожат, сорвешь нитки...

— Сейчас будет выстрел! Это у немцев сигнал к смене караулов, сказал Пьяных Ибрагимову, когда они, отбежав метров пятьдесят, прильнули к земле за высокими валунами.

— Хорошие у тебя часы, воды не боятся, — молвил взглянув на руку товарища, Ибрагимов и высунулся, чтобы посмотреть, что делает Столетов.

Но в это мгновение около электростанции раздался гулкий выстрел, раскатился над озером, отозвался в горах. И сразу же, не успело замереть эхо, огромной силы взрыв потряс окрестность. стр. 323

Даже Ибрагимов и Пьяных были оглушены. Но сразу же после взрыва они, пригибаясь, побежали к плотине, к озеру, где остался Столетов. Он быстро шел им навстречу. Лицо его было в садинах, из носу текла кровь, словно он только что с кем-то подрался, — так его исколотило камнями.

— Плотина разрушена! Станция не будет работать! — сказал он, пошатываясь. — Мы свое взяли!

— Теперь и помереть можно, — сказал Ибрагимов.

— Ну нет, теперь нам жить и жить! — ответил Столетов. И хотя ему казалось, что говорит он очень громко, на самом деле его слова были еле слышны. — Ну, Матвей, — продолжал Столетов, — молодец твой Митька, пошли от меня ему привет!

Больше у Сергея не было сил идти.

— Приляжем, отдохнем часок! — сказал он и растянулся на земле.

Нет, никогда он не думал, что человек может так устать...

Он лежал на земле, глядел на бегущие по небу быстрые облака, на занимающуюся над горами розовую полосу зари и всем своим существом ощущал счастье: они выполнили задание.

И в эту минуту ветер донес дальний гул начавшейся артиллерийской подготовки. Сначала неуверенный и отдаленный, он все усиливался, ширился, нарастал.

— Началось, — сказал Ибрагимов.

— Началось, — подтвердил, выжимая рубаху, Пьяных. — Наши двинулись.

О том, чтобы возвращаться по главной дороге, не могло быть и речи. Вся она была забита немецкими повозками, машинами, вереницами раненых, нестройными толпами солдат. Видно было, что враг поспешно отступает. Над дорогой действовала наша авиация — штурмовики и легкие бомбардировщики. Немецкие солдаты то и дело разбегались по сторонам, бросая свои повозки и машины.

Можно было бы остаться здесь, вблизи станции, и подождать подхода своих. Но неизвестно было, завтра или через несколько дней они сюда подойдут.

И разведчики направились по той дороге, по которой пришли к станции: мост был взорван, и поэтому большого движения здесь не могло быть.

Перед вечером они поднялись на вершину горы, у подножья которой, на краю болота, раскинулась деревня. Неведомо чем кончился бой, которой приняли здесь Дробитько и его товарищи.

Сейчас вся деревня была объята пожаром. Огромными кострами пылали дома, и над языками огня вставали тяжелые и удушливые клубы дыма. Горели штабеля сена.

— Жгут, изверги! — выругался Пьяных.

Разведчики стали спускаться вниз к пылающей деревне. И вдруг в стороне от тропы услышали приглушенный разговор. Они замерли. Надо было разобрать, на каком языке говорят.

— Не может быть! — прошептал Столетов и сошел с тропы. Вслед за ним сошли Ибрагимов и Пьяных.

— Я слышу голос Пчелиева, — шепнул Пьяных Ибрагимову.

Да, это был он и с ним незнакомый боец и девушка-медсестра.

Столетов выступил из-за прикрытия.

— Товарищ старший сержант! — изумленно и обрадованно воскликнул Пчелиев. — Вы живы?!

— Живы и с победой, дружище. Как у вас-то?

— Что же, дрались, как смогли. Я... сами видите. Дробитько в госпитале. А Гулеватый... Пришли вот, на случай проверить, полковник послал. Да только не отыскали уже Трофима — все вокруг разметало. Вот пилотку свою нашел. — Пчелиев смущенно показал изрешеченную пробоинами пилотку, оставленную во время ночного боя на валуне. — Наши идут левее, — заметил он.

И все вместе они направились навстречу своим, узнавая друг от друга обо всем, что произошло за эти трое суток.

1944